

В. Г. Демьянов

Вести-Куранты:

1. Издание для исследования

(старорусское наречие *въ тѣ межъ* 'в то же самое время')

2. Исследование для издания

(как редактировались и правились тексты Вестей-Курантов 1666г.)*

I

В первом разделе статьи рассмотрим наречное сочетание *въ тѣ межъ* по данным В-К I и В-К IV с тем, чтобы показать, что издание старорусского рукописного текста является лишь очередным этапом его исследования и интерпретации, что издание, каким бы ни было оно идеальным с позиций правил воспроизведения текста, не ставит окончательной «точки над і» в изучении текста.

Издание текста, сам процесс его подготовки (прочтение, интерпретация, воспроизведение, археографическое комментирование) — это уже начало исследования, а издание текста (в результативном значении слова «издание») — база для дальнейшего его исследования, результаты которого имеют выход опять же в эдиционную практику.

В «Вестях-Курантах. 1642—1644 гг.» (М., 1976 — далее при цитации указываем страницу издания) нами неоднократно встречено сочетание «*въ тѣ межъ*». Приведем примеры.

«<...> послано для провожания Р человекъ люди которые ѡтселе взяты которые вчерашнова дні в Лабес къ высокопомятому [так в ркп., см. высокопомянутому. — В.Д.] къ гедну Кешихсъмарку приш[ли] и поидут соводни дале на Шиѡелбеинъ да паректа [так в ркп., контаминация приставки-предлога на и непереверденного лат. recto 'прямо'. — В.Д.] на недрѡгов поидут тако ж **в тѣ межъ**

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 98-04-06141).

Кра[к]овских [т. е. воинских людей полковника Кракова. — В. Д.] скупщиков конных людей мы надсугнали» (с. 232). Данное место никаким образом в подстрочном комментарии не отмечено. Отсутствует оно и в Указателе слов, поскольку в нем отражены только знаменательные части речи. В Словаре XI—XVII вв. при толковании глагола *надсугнати* ‘нагнать, догнать, настигнуть’ данный пример в иллюстрации как раз в том месте, где употреблено сочетание *в тѣ меж*, оказался искусственно расчлененным ввиду непонимания его значения, и иллюстрация начата с *меж*, которое изъято из состава сочетания и представлено в иллюстрации в отрыве от *в тѣ* как предлог *меж*: «Меж краковскихъ [в тексте издания с заглавной буквы: Краковскихъ, поскольку образовано от имени личного. — В. Д.] <...>» [СЛРЯ 10: 81]. Полагаем, что *в тѣ меж* ‘в то время, тем временем’.

«I как тот воевода на вал вшел а 8 него все было приготовлено i *в тѣ меж* королевых людей в городе захватили тысячи з двѣ и всѣх ихъ побили» (с. 233). *В тѣ меж* — ‘в то же самое время’, ‘а в это время’.

«Мы *отселе тотчас* Г х гонцовъ в Никласбурхъ къ его цесареву величествѣ с въстью пошлем **А в тѣ меж** себѣ придѣмали здѣшної посад послѣ полѣдни зажечь» (с. 217–218). «**В тѣ меж**» взято в издании в цифровые скобки — «кленци» с примечанием: «*так в ркп.*» Вышеприведенное чтение принадлежит черновому варианту текста. Приводим чистовой вариант: «мы *отселе тотъчсъ* Г х гонцовъ в Никласбурхъ къ его цесаревѣ величествѣ с въстью послали [исправлено из «пошли» в черновике. — В. Д.] **а в тѣ меж** себѣ придѣмали здѣшної посад после полѣдни зажечь». В чистовике умелой рукой редактора устраняется несогласование времен в сложносочиненном предложении «пошлем <...> придѣмали» (в черновике: будущее <...> прошедшее) → «послали <...> придѣмали» (в чистовике: прошедшее <...> прошедшее), что ставит на место и делает понятным наречное сочетание «**въ тѣ меж**», которое в черновике оказалось вместе с предшествующим ему союзом **а** оторванным от основного корпуса предложения и было поставлено в непривычную для него позицию начинающего абзац слова «с въстью | пошлем | **А в тѣ меж** себѣ придѣмали <...>». Заглавное **а** (союз) в черновике выглядело явно неуместным, и в чистовике после изменения временной формы все встало на свои места.

Отметим любопытнейший факт. В чистовике (с. 36) к черновому тексту (с. 233) вместо «**в тѣ меж**» писец выбрал «**в тѣ поры**». Эта черновая глосса осталась без внимания со стороны издателей, к чис-

лу которых относится и автор этих строк. Если бы они заметили эту лексическую ремарку в первоначальном тексте перевода, сочетание **в тѣ меж** могло бы получить известную интерпретацию. «I какъ тот воевода на валъ взошел а ѡ него все было приготоулен[o] і **в тѣ поры** королевых людей в город[e] захватили». Непонятное и редкое «в тѣ меж» заменяется на понятное «в тѣ поры», но при этом мн. ч. сохраняется.

«А передние ево [начального майора Кёнигсмарка. — В. Д.] станицы **в тѣ меж** в Губене были» (с. 218). К данному месту «в тѣ меж» дан комментарий «так в ркп.», означающий неясность чтения для копирующего, но остальные случаи «в тѣ меж» обойдены таким комментарием, что, однако, вовсе не означает их ясность при первом чтении. «А передние ево станицы **в тѣ меж** [в издании примечание: «так в ркп.». — В. Д.] в Гѡб[ене] не были». Таково чтение чистовика (с. 22). Появление отрицания **не** в чистовике выглядит не мотивированным смыслом предложения, так как он передан черновым текстом: «а передние ево [начального майора Кёнигсмарка. — В. Д.] станицы **в тѣ меж** в Губене были и что ѡ него совершитца и то вскоре обявитца» (с. 218). Лишнее **не** добавлено как отрицание, но всей видимости, под влиянием слога **не** в «Гѡбене», получилась своеобразная гаплография.

«А дацкоі посол котороі в Оснабрюге был пошел ѡнят д[o]моі а **в тѣ меж** [к сочетанию примечание: «так в ркп.» ввиду его неясности. — В. Д.] веницкской посоль пришел <...>» (с. 103).

Синонимическое выражение «в тѣ поры» читаем несколько ниже. «И была бѡря великая и вода из моря в рекѡ Элбѡ в дождь **в тѣ поры** вверхъ прибывала <...>» (с. 103). Ср. выше подобную же замену «в тѣ поры» на «в тѣ меж».

«Грава Пенца котороі из Гадер[сле]бена пришел да с ним генералноі маюрь [далее имя майора оказалось утраченным в разуре в 3-4 буквы — В. Д.] **в тѣ меж** [с примечанием «так в ркп.» — В. Д.] без мало не захватили толко ѡнѣ счастливо ѡт них ѡтошли» (с. 103).

Синонимичное нашему выражение «в тѣ поры» встречается в тексте 2-го тома «Вестей-Курантов. 1642—1644 гг.» неоднократно. «Е полков посланы в Тѡраинѣ чтобы имъ там смѡтѡ ѡнят а **в тѣ поры** иная новая смѡт[a] ѡчишилася в городе Зантонге» (с. 84), «а какъ я то подлинно провѡдаю и **а в тѣ поры** отпишѡ к полковникѡ к гсдиѡ Коскелю <...> и он **в тѣ поры** отпишет во Псков к воевод[e] ѡ перебѡщиках» (с. 81), «рѡские люди в мирное время дрѡжно к сосѡдомѡ оказываютца і **в тѣ поры** надобно имъ мало і вѡрить» (с. 81), «как один поидет из Риги во Псковъ а дрѡгой бы пошел исо

Пскова в Ригѣ і в тѣ поры миѣ мошно к црскомѣ величествѣ ежендѣль вѣсти всякие писать» (с. 72-73), «как на стаиѣ къ его црскомѣ величествѣ писат і в тѣ поры я его црскогѣ величества црвцю стаиѣ поздвлят <...>» (с. 68). Попутно отметим немецкую синтаксическую черту: *gratulieren jemandem* с Д. «поздравлять кого-либо».

Сочетание «в тѣ поры» было общепонятным и более употребительным синонимом к сочетанию «в тѣ меж».

Остается объяснить составные части сочетания «в тѣ меж» и в первую очередь «меж», которая, очевидно, и послужила главной помехой на пути к пониманию всего сочетания в целом издателями «Вестей-Курантов». Прежде всего следует восстановить исходную форму, исходный вид сочетания как «въ тѣ межи», в котором «межи» является закономерной формой вып. п. старого двойственного числа. Ведь речь идет о двух временных гранях, одна – по одну сторону чего-либо, а другая – по другую, и в образовавшийся между ними временной промежуток происходят какие-либо действия. Словарь XI–XVII веков [СЛРЯ 9: 65] фиксирует наречное сочетание *въ тѣ межи* в его исходном виде, т. е. без редукации на конце в значении «в пределах того же времени, в тот же промежуток времени» и приводит примеры из памятников конца XVI в. «Словарем русских народных говоров» [СРНГ 5: 226] зарегистрировано наречие *втѣмежи* в новгородских, орловских и курских говорах в значении «в то время». Для нас особенно важно указание на южновеликорусскую область распространения этого наречия, если учесть многочисленные отражения контактов с живой южновеликорусской речевой стихией в языке «Вестей-Курантов».

В указателе ко 2-ому тому «Вестей-Курантов» данное наречное сочетание с временным значением могло бы быть отмеченным, как того заслужило изоструктурное сочетание **(по та) мѣсть**, в эволюции которого много общих черт (но об этом несколько ниже) с нашим сочетанием. Но информация о наречном выражении **в тѣ меж** оказалась утерянной во 2-ом томе «Вестей-Курантов» по двум причинам: неясности его внутреннего строения и происхождения и ввиду того, что основное внимание при составлении указателя слов уделялось знаменательным частям речи, а «меж» в составе сочетания «в тѣ меж», предположительно принятое составителями за предложную форму, отошла при этом на второй план. Продолжение работы над изданием «Вестей-Курантов» (в частности, при подготовке 5-го тома: «Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг.») привело к убеждению о целесообразности включения в указатель

слов и служебных частей речи (предлогов, союзов, частиц, местоимений, междометий), тем более, что границы между ними (знаменательными и служебными частями речи) исторически изменчивы, как это иллюстрирует и наш случай.

Редукция конечного **-и:** *межи* → *меж* находит исторические параллели-подтверждения. А. А. Потебня хотя и не отмечает ст.-русского сочетания «в тѣ меж», «в тѣ межи» [Потебня 1888: 45-60], но воспроизводит по Словарию Подвысоцкого характерные для северно-великорусских говоров сочетания **въ та порь, въ ти порь, въ тѣ порь**, которые изотипны нашему сочетанию, претерпевшему ту же самую редукцию конечного основного смыслового слова: *поры* → *порь* и ставшему тем самым формально застывшим паречным сочетанием. Заметим, что «ти» в «въ ти порь» равнозначно «въ тѣ порь», поскольку ѣ произносится в цитируемом говоре как [и].

Еще более полную эволюционную аналогию сочетанию «в тѣ меж» образует сочетание «по та мѣсть», «по ка мѣсть», «по ся мѣсть», в котором локальное значение также эволюционировало в сторону темпорального с той же редукцией конечного гласного: *мѣста* → *мѣсть*.

«Шпанског короля воевода Мартын Шипула <...> **по ся мѣсть** стоит под городом Бредою» [В-К I: 71, 1625 г.]; «Корол датцкои с своею силою против цесаря **по ся мѣсть** стоял» [В-К I: 95, 1627 г.]; «Корол свѣискои несколько время **по ся мѣсть** против Жигимонта короля счасливо воевавши <...>» [В-К I: 98, 1627 г.]; «Корѣне Свѣискои ѡчишилос погибели многѡ <...> **и по ся мѣсть**» [В-К I: 167, 1636 г.]; «Маршалоукъ Гасвелтъ <...> просит ратного запасу толко **по ся мѣсть** [тѣ исправлено из о — В. Д.] ничего емѡ не дано» [В-К I: 172, 1637 г.]; «Послы <...> ни х каковѡ совѣту приставаѣ не хотѣли **покамѣсть** по их прошению и жадаю все свершитса» [В-К I: 183, 1638 г.]. Решение о слитном написании дискуSSIONHO на фоне случаев «по ка мѣста», «по ка мѣсто» [В-К I: 276, указатель слов]. «Ратнымъ людям **по ся мѣсть** денег не да[вано]» [В-К I: 183, 1638 г.]; «Здѣшнои воевода <...> **по ся мѣсть** еще не пошел» [В-К I: 199, 1638 г.]; «Корѣне Францѣжскои толко доведетца держат город Гельбѣрѣн **по та мѣсть по ка мѣсто** город Франкендаль прямомѡ владѣтелномѡ господинѡ *отдан* будет» [В-К IV: 187, 1650 г.].

В процитированных примерах сам по себе факт несогласования слова «мѣсто» с формой указательного местоимения **сь** уже знаменателен как первый шаг к превращению конечного существительного «мѣсто» в застывшую неизменяемую часть этой формы.

Явление редукции конечного безударного гласного основного смыслового слова-существительного демонстрирует и диал. *втѣмѣж* 'в то время' [СРНГ 5: 226], полностью соответствующее тому, что представлено в вестях-курантах.

Ту же редукцию, но скрытую за явлениями грамматической аналогии, можно усмотреть в современном наречном сочетании *между делом*. Оно выглядит как грамматический парадокс и явно алогично (между каким делом — одним?). Это сочетание *между делом* возникло из формы твор. п. дв. числа **между дѣлома*, иными словами 'между двумя какими-то делами, занятиями' и лишь позднее подравнялось к иным формам твор. п. в ед. ч. особенно при перечислении двух существительных с предлогом *между*: ср. *между небом и землей* и подобные сочетания. Наше современное языковое сознание даже и не подозревает, что в сочетании *между делом* заложен грамматический парадокс и воспринимает его лишь на фоне сочетаний типа вышеприведенного *между небом и землей*. Перед нами все то же явление редукции конечного гласного: *дѣлома* → *делом*.

Наречное сочетание *междѹ летом* в значении 'весной и осенью' [СРНГ 18: 79], демонстрирует нам тот же грамматический парадокс, но, как нам представляется, имеющий историческую интерпретацию из первоначального **между лѣта*, т. е. 'по обеим границам лета, его начала и его конца', в котором *между* объясняется и переводится на современный язык как форма местного падежа без предлога в двойственном числе: 'на межах, границах лета'. Позднее форма род. падежа *лѣта* преобразовалась в твор. «летом» по аналогии с распространенным оборотом: предлог *между* с твор. падежом.

Подобное же объяснение может быть приложено и к вышерассмотренному случаю *между делом* из *между дела*, т. е. 'по обеим временным границам дела, его началу и концу'. Какое из объяснений более приемлемо, предоставляем возможность судить самому читателю. Предложить однозначное решение в данном случае мы не можем, поскольку не располагаем документированными примерами сочетания *между* с род. падежом в подобном значении 'на границах (временных или пространственных) чего-либо' в др.-русском и ст.-русском языке. Во всяком случае в Словаре XI—XVII вв. на *между* [СлРЯ 9: 68] и на *межу* [СлРЯ 9: 74-75] подобное значение *между* (*межу*) нами не встречено. Обратим также внимание на то, что в диалектном примере «*междѹ летом*» *междѹ* имеет полнощипное ударение на конце, что сигнализирует о лексической полнозначности слова как существительного. Ударение соответствует др.-русскому

ударению, ср. *межю́*, *межю́* в Словаре Ушакова [Ушаков 1982: 185]. Единственный пример, приводимый Словарем XI–XVII вв. на сочетание *межи города* [СлРЯ 9: 74], трактуемое Словарем как ‘в пределах города’, может представлять аналогию сочетанию *между лѣтом*: «а на тотъ же городъ пришесть трусь в той же день, страшень добри, да **межи города** земля разступилася и городъ в землю погрузил(ся)», [Новг. II: 73], да и то при условии, если значение ‘в пределах города’ признать неточным и считать более правильным — ‘в границах города’, ‘на границах, по границам города’, а сочетание *межи города* – развившимся из *меж(д)у города*.

В связи с рассмотрением редукции можно было бы подключить совр. *по рукам* (из **по рукама*), *по ногам* (из **по ногама*), но не считаем возможным развивать далее этот сюжет, поскольку он связан с историей форм двойственного числа в русском языке. А. М. Иорданский обращает внимание на то, что формы *рукама*, *ногама* взаимодействовали с формами мн. числа уже достаточно рано – в позднедревнерусский и в начале старорусского периода (XIV–XV вв.) [Иорданский 1960: 47].

Ст.-русскому **въ тѣ меж** соответствует также ст.-русское *межу тѣмъ* с идентичным значением ‘в то время, тем временем’ [СлРЯ 9: 75, с примером из Корм. Балаш. XVI в.]. Перед нами, очевидно, один из редких случаев конверсии в истории русского языка. Нельзя исключать в данном случае возможность элипсиса: *межу тѣмъ (временьмъ)*. Это конструкция явно позднего происхождения, поскольку дв. число в ней не просматривается при грамматическом оформлении. Менее вероятен путь эволюции: *тѣма* → *тѣмъ*, хотя он имеет аналогические подтверждения в иных паречных сочетаниях (ср. *по ка мѣста* из *по ка мѣста*).

Описанное выше усечение конечного гласного в форме твор. падежа можно видеть в сочетании *промеж полям* (иск., калуж.) [СРНГ 32: 181]. Словарем *полям* трактуется как форма дат. падежа.

Мы придерживаемся того убеждения, что текст – главный объект филологии, и в этом отношении полностью солидарны с О. Н. Трубачевым и А. А. Зализняком [Трубачев 1998: 12; Зализняк 1998: 248]. Главной составляющей текста, конечно, было и остается слово. Текст (особенно прошлых эпох) содержит много загадок и нерешенных проблем, и его изучение требует от исследователя высокой профессиональной лингвистической подготовки и выхода в разные области гуманитарного знания. Уровень требований к интерпретатору старого текста настолько высок, что преодолеть его с первой попытки просто

невозможно: слишком многосторонних и разнообразных познаний потребует он от того, кто им занимается. Совместить все это в одном лице практически невероятно. Поэтому да будут прощены те неточности (а возможно, и ошибки), которые возникают после первой попытки прочтения и интерпретации текста. Проявим здесь необходимую снисходительность. Дорогу осилит идущий.

II

Во второй части статьи на материале сравнения двух черновых и двух беловых текстов «Вестей-Курантов» 1666 г. (не опубликованы, но готовятся к печати) постараемся раскрыть значение сравнительных данных для изучения вопросов истории формирования норм литературного языка в области деловой письменности XVII в. и проследить одновременно, оправдывая заголовок второй части статьи, каким образом само сопоставление черновиков и белозиков способно повлиять на отдельные фрагменты воспроизведения текста, то есть тем самым коснуться чисто эдичионного аспекта.

Н. И. Тарабасова, занимавшаяся сравнением черновиков и белозиков В-К I — III, выборочно В-К IV с целью выявления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в., не уделяла специального внимания орфографии иноязычных слов и изменениям в их орфографии в связи со сдвигами в национально языковой ориентации вариантов [Тарабасова 1986]. Именно этим объясняется тот факт, что некоторые написания, вызывающие размышления по этому поводу, оставлены ею трактованными как описки: «крѣпки (*так* !) гсдрь маршалок» (с. 133), ср. польские прил. на *-i*.

Первым, кто обратил внимание на необходимость изучения национально языковой ориентации правки в текстах «Вестей-Курантов», был С. И. Котков. В своей не завершённой при жизни статье он изложил результаты наблюдений над правкой орфографии В-К I в том виде, как эта правка отразилась под пером самих писцов-переводчиков — создателей первоначального текста [Котков 1991: 142-144]. Котков не без оснований предполагает, что писцы-переводчики были выходцами с юго-запада восточнославянской территории и отмечает следующие исправления: **и** на **ы** и **ы** на **и**; **ж** на **з** и **з** на **ж** и соответственно в глухом варианте: **ш** на **с** и **с** на **ш** (шоканье и соканье) и в варианте с аффрикатами: **ч** на **ц** и **ц** на **ч**; **ѣ** на **е** и **е** на **ѣ**. Только недостаточным знакомством с текстами «Вестей-Курантов» второй половины XVII столетия (публикация В-К V появилась

из печати в 1996 г., а познакомиться с рукописными оригиналами «Вестей-Курантов» последующих десятилетий столетия у Коткова не было возможности) можно объяснить утверждение, правда, в предположительном плане, о том, что «по-видимому, с начала 20-х годов XVII столетия прежде в Посольском приказе, а затем и в иных московских приказах сложился вполне достаточный контингент своих переводчиков и потребность в приглашении их с Юго-Запада отпала» [Котков 1991: 143].

Наблюдения над языковой правкой черновых текстов «Вестей-Курантов» 50-х и 60-х годов XVII в. показывают, что «юго-западные» (польско-украинско-белорусские) черты в первоначальных переводах еще продолжают иметь место и подчас проявляют себя довольно явственно [Демьянов 1992, на материале чернового текста — перевода 1651 г. из В-К V, № 14, с. 27-28].

Наши наблюдения строятся на материале сравнения двух текстов: 1) перевод с голландских печатных и письменных курантов с вестями из Мадрида, Рима, Венеции, Парижа, Лондона, Гамбурга, Изамира, Вены, Амстердама, Алешо, Королевца, Риги. *29 декабря 1665 г. — 5 апреля 1666 г.* (черновик: РГАДА, ф. 155, 1666г., № 11, лл. 79, 107, 108, 106, 105, 103, 104, 102, 99, 100, 101; чистовик: там же, лл. 113 — 124; оригиналом пока не располагаем); 2) перевод с немецких печатных курантов с вестями из Варшавы, Вены, Бреслау, Венеции, Гамбурга, Английской земли, Стокгольма. *21 февраля — 27 марта 1666г.* (черновик: РГАДА, ф. 155, 1666 г., № 11, лл. 97, 98, 96, 95; чистовик: там же, лл. 109-112; оригиналом пока не располагаем). Далее сокращенно: текст № 1 и текст № 2.

Несколько предварительных общих замечаний. Оба текста в черновом и беловом их исполнении написаны одним почерком, то есть палицо самоисправление, саморедактирование, в черновиках обоих текстов более поздняя карандашная нумерация листов не соответствует последовательности чтения по смыслу. Сравнение с чистовиками, карандашная нумерация листов в которых находится в полном соответствии со смысловой последовательностью текста, позволило восстановить первоначальное следование листов, а более позднюю карандашную нумерацию подчинить смысловому принципу. Нумерация листов в черновиках выглядит необычной, почти что попятной.

Перебивка нумерации листов в черновике в какой-то степени (если не в полной мере) объясняется механическим перекладыванием листов переписываемого текста. Если перевернуть листы черновика на лицо, то последний лист окажется первым, предпоследний —

вторым, последующий — третьим и так далее. Если, конечно, при этом сам порядок переписанных листов не оказался нарушенным (что вполне естественно при перекладывании листов), как это случилось с листами наших черновиков, когда закономерный «обратный» порядок в свою очередь оказался нарушенным. Есть случаи, когда черновой характер текста подтверждается не только обратным порядком нумерации листов (см. еще: РГАДА, ф. 155, 1666 г., № 11, лл. 86, 87, 87а, 93, 92, 91, 88, 89), но и записью на обороте последнего (по смыслу) листа: «переводы **черные** с вестовых писемъ» (л. 89 об.). Любопытно, что последним л. 89 является не по поздней карандашной нумерации, а по смысловой последовательности текста.

Текст № 1 (черновик) не акцентован, что свидетельствует о том, что он не предназначался первоначально для прочтения. Текст № 1 (чистовик), хотя и выборочно, но акцентован, что говорит в пользу его направленности на зачитание. В чистовике (текст № 1) после заглавия текста «перевод с голландских печатных и письменных кураштов» отсутствует помета «что спесены в Посолской приказ ис Приказу тайных дѣл в шешнемъ во РОД *м* году апрѣля въ КГ *день*», присутствующая в черновике. По-видимому, для чистовика, который, как правило, зачитывался, такая помета была признана несущественной.

В черновике текста № 2 отсутствует дьяческая скрепа на оборотах листов. В чистовике этого текста фрагмент дьяческой скрепы налицо: па||нов || ді||акъ || Арте. В полном виде запись восстанавливается как «діакъ Артемию Степанов». О нем см. в книге С. Б. Веселовского, где он упоминается как «подьячий» Приказа тайных дел с 12 октября 1660 г. по 1 марта 1674 г. [Веселовский 1975: 490]. Очевидно, в сведения, приводимые Веселовским, должны быть внесены некоторые коррективы в связи с обнаружением новой документации: в «Вестях-Курангах» 1666 г. Артемий Степанов скрепляет документы как дьяк, в то время как у Веселовского читаем: «17 августа 1674 г. пожалован в дьяки и назначен в Приказ тайных дел <...>».

В числе расхождений между черновиками и беловиками выделим два главных типа: 1. Различия. 2. Разнотчения. Под **типом 1** имеются в виду чисто графические, лингвистически нерелевантные расхождения: замены букв, имеющих одинаковое фонетическое значение; написание буквы в строчном или пидстрочном варианте; написание последнего типа, сопровождаемые утратой конечной буквы ъ, потерявшей к XVII в. фонетическое значение; слова, недописанные в черновике, но полностью восстановленные в чистовике; разные ти-

ны сокращенного написания слова: подтитловые или заключенные в кружок; слова — описки разного рода (пропуск внутреннего слога, неоправданное этимологией удвоение буквы согласного и др.),шедшие отражение в черповике, но исправленные в чистовике.

В **типе 2** мы объединяем разночтения, то есть лингвистически значимые расхождения, выделяя среди них четыре подтипа. В **подтипе 2.1.** аккумулируются грамматические разночтения (расхождения в оформлении флексий или исхода основы, восходящие к исторически сложившимся вариантам на почве русского языка или отражающие изменения в национально языковой ориентации, то есть несущие на себе следы внешних языковых влияний на текст; расхождения в суффиксальном оформлении). **Подтип 2.2.** отражает фонетические расхождения (замены букв гласных или согласных, имеющих неодинаковые фонетические соответствия, объясняемые, как и вариации в подтипе 2.1., изменениями, произошедшими на протяжении истории русского языка или внешними языковыми влияниями). **Подтип 2.3.** Сюда мы подключаем расхождения между черповиком и беловиком, отражающие явления на морфемном стыке. **Подтип 2.4.** Он объединяет общетекстуальные или смысловые исправления, которые могут проявляться в самых разнообразных лингвистических формах реализации текста: если иметь в виду эволюцию текста от черповика к беловику, то это может быть — вставка союза на месте его отсутствия, добавление полнозначных знаменательных слов, необходимых для смысловой, а одновременно и синтаксической завершенности текста; перемена числа в глагольной форме (замена, например, бессубъектного 3 л. ед. числа неопределенно личным мн. числом). При этом в числе исправлений подтипа 2.4. приходится выделять исправления, не только улучшающие и облегчающие чтение и понимание текста (2.4.1.), но и такие, что не дают облегчения при чтении текста, но напротив, затемняют его при кажущемся прояснении лексической семантики слова (2.4.2.).

Т И П 1.

На наш взгляд, в этом типе можно было бы выделить по крайней мере пять подтипов и рассмотреть при этом каждый подтип в его отношении к способности быть квалификационным признаком черповика или беловика, то есть иными словами, с точки зрения текстологической выделить расхождения текстуально релевантные и текстуально нерелевантные. **Подтип 1.1.** включил бы буквенные различия, которые индифферентны по отношению к текстуальным различиям и по отношению к орфографической норме. **Подтип 1.2.**

объял бы корреляции «буквенный нуль (буквенные нули) → буква (буквы)» и продемонстрировал бы текстуальную значимость «нуля». В **подтип 1.3.** вошли бы корреляции обратного типа «буква (буквы) → нуль буквы (букв)» и показал бы текстуальную значимость присутствия буквы (букв). **Подтип 1.4.** объединил бы различия в способах написания букв, в основном согласных, но не в их графических вариациях (это область сугубо палеографии), а более конкретно в отношении к линии строки (строчный или выносной вариант написания). При этом нельзя не отметить, что подтип 1.4. может осложняться подтипом 1.2. или 1.3., но при этом различия не приобретают текстуальной значимости (1.4.1.). В **подтипе 1.5.** объединились бы различные способы написания слова (полные, сокращенные, закодированные — начальная буква в кружке). Если мы поставим знак + (плюс) перед теми подтипами, которые оказываются текстуально значимыми, а знаком — (минус) отметим те, текстуальная значимость которых сводится к нулю, то получим следующую картину: -1.1.; +1.2.; +1.3.; -1.4.; -1.5. Итак, иллюстрации.

П О Д Т И П 1.1.

<i>черновик</i>	<i>чистовик</i>
маршалство	маршалство
евраля	февраля
8кротит	укратить
всят (я из е)	взят
дня	дня
приготовлен	приготовлен

Лингвистический комментарий. Представленные корреляции индифферентны к норме, но каждый из коррелирующих вариантов может быть предметом внутритекстового исследования с целью выявления графических симпатий и антипатий шрифта.

П О Д Т И П 1.2.

<i>черновик</i>	<i>чистовик</i>
отвѣ (так !)	отвѣте
люде (так !)	людеи
проке (так !)	пророкѣ

Лингвистический комментарий. Случай «проке» при наличии титулового покрытия над **о** мог бы рассматриваться не как опеска, а как вариант подтитлового сокращенного написания и как отражение древнерусской традиции. Но такое объяснение маловероятно по двум соображениям. Первое: титуловое покрытие отсутствует. Второе: при сокращенном написании этого слова в древнерусских памятниках обычно устраняется одна или две буквы глас-

ного **о**. В Успенском сборнике, например [Усп. сб.: 669], можно отметить 15 написаний этого слова в сокращенном варианте с выпадением одного или двух **о**: прорк- или пррк-, но не согласного **р**. Древнерусские писцы тонко чувствовали, что основную смысловую нагрузку в слове несут согласные, а не гласные, поэтому устранение первых могло иметь пагубные последствия для понимания слова.

П О Д Т И П 1.3.

<i>черновик</i>	<i>чистовик</i>
обя в вился (<i>так !</i>)	обя в ился

П О Д Т И П 1.4.1.

<i>черновик</i>	<i>чистовик</i>
послы	послы

П О Д Т И П 1.4.2.

<i>черновик</i>	<i>чистовик</i>
к намъ	к нам
ратныхъ	ратных

Лингвистический комментарий. Подтип 1.4.2. выделяется в самостоятельный подтип по той причине, что вынос или невынос буквы согласного над строкой зависит целиком от того, сопровождается ли согласный буквой гласного **ъ**. Конечный согласный по законам скорописи, как правило (исключения сравнительно редки), является выносным. К подтипу 1.4.2. приписываются явления, характерные для подтипа 1.3. и формулируемые как соотношения типа «буква (буквы) согласного (гласного) → отсутствие буквы (букв) согласного (гласного)», и поэтому он в какой-то степени представляет собой смешанный тип.

П О Д Т И П 1.5.

<i>черновик</i>	<i>чистовик</i>
④	члвкъ

Лингвистический комментарий. Целесообразно выделить данный подтип как самостоятельный ввиду того, что тип графических различий в нем не имеет аналогов в рассмотренных выше подтипах.

Т И П 2.

П О Д Т И П 2.1.

<i>черновик</i>	<i>чистовик</i>
невѣства (<i>так !</i>)	невѣста
караблях	караблѣх
вспоможене	вспомогательство
сдравом	сдрава

вчерашняго	вчерашняго
тоє дѣло	то дѣло
в <...> розмышлено	в <...> розмышлене
тымъ	тѣмъ (ѣ из ы)
жидовья	жидовя

Лингвистический комментарий. «Невъста» в черновике может рассматриваться и не как описка, а как архаическое отражение принадлежности сущ. *невѣства* к типу склонения на *ĭ, праслав. И.Ед. *nevesty, Р. nevestъve, ср. свекры И., более поздний И. свекръвъ, ср. простореч. церква. Обратим внимание на приводимое Срезневским: *невѣсты* из Книги Бытия [XXXVIII 16] по сл. XIV в. и трактуемое им: «вм. цевѣста» [Срезн. II: 369].

«Караблях → караблѣх» можно считать взаимозаменимыми (отношения свободного замещения), поскольку движение от черновика к беловику обратно направлению общего эволюционного процесса (от новообразования к архаической форме).

«Сдравом (сотворил)» → «сдрава (сотворил)». «Сдравом» на месте «здравым». Т. можно объяснить синкретизмом падежных форм Т. и М. падежей в польском: ср. польск. małym 'малым' и 'малом, (о) малом', что нашло отражение в смешении этих падежных форм в тексте русского перевода.

«Тое». Находит отражение как ст.-укр. [ССУМ 2: 440-443], в словаре Дала *той* поясняется как «млрс. [малорусское], юж. зап.» [Даль 4: 410].

«В <...> розмышлено». По флексии напоминает польск. (о) zebrańiu.

«Тымъ». По флексии совпадает с польск. tym 'тем'. Случай явной национально ориентированной правки: польская форма правится на русскую.

«Жидовья → жидовя». Соотношение может быть сопоставлено с вышеприведенным «караблях → караблѣх» как равноправно взаимозаменяемыми грамматическими вариантами.

П О Д Т И П 2.2.

<i>черновик</i>	<i>чистовик</i>
из Вилицѣи	из Вилицѣи
тысечь	тысяч
ис Полши	из Полши
8кротит	укратить
из Леворна	из Ливорна
катархъ	катаргъ
п8ртогалскіи	порт8галскіи
Вилицѣи	Велицѣи
морщалка	моршалка
маршалство	маршалство
маршалокъ	маршалокъ

принял	пришел
морщальство	маршалство
свтгао	свтгоа
числа (с над зачеркнутым щ)	числа
портогалскіі	портгалскіі (8 из о)
из Браславля	из Брасловля
п8ртогалскіі	порт8галскіі (8 из о)
рымскіі	римскіі

Лингвистический комментарий. Мена и на е: «Вишицьи → Вишецьи», «Вишицьи» → «Веницьи» можно объяснить сменой внешней языковой ориентации. «Вишицья» отражает старый венецианский диалект [см. Grey 1962: 18; Migliorini 1960: 218-219]; венецианскому диалекту свойственна дифтонгизация **е** и **о** в позиции открытого слога; дифтонгоидный [э] близок к [ие] и [и]; что же касается **и** в первом слоге, то он мог появиться по ассимиляции с ударным слогом. Ст.-польская огласовка Wenepсуја находит отражение не только в гласных корня, но и в гласных окончания (точнее исхода основы: -ѣ заменяется на -ы).

«8кротит» → «укратит»: появление **а** в первом предударном слоге в чистовике может на первый взгляд показаться странным, но данная корреляция, отражающая аканье, должна рассматриваться как свободно конвертируемая. С. И. Котков пишет: «...обусловленные главным образом влиянием произношения отклонения от них (имеются в виду правописные нормы в деловых документах XVII в. — В. Д.) и допускались, причем не только негласно, но и официально. Так, согласно указу царя Алексея Михайловича, в письме допускались “паречия, подобные тем, по природе тех городов, где кто родился и по обыкновениям своим говорить и писать извык” [Котков 1974: 59]. С. И. Котков имеет в виду прежде всего отражения аканья. Ср. случаи «нормализованной» мены **о** → **а** в исправлении «моршальство» → «маршалство» и еще один случай мены **а** → **о**, но с возможным влиянием морфологической аналогии с прил. с суф. -ов и иным положением буквы гласного по отношению к ударному слогу (Браславля → Брасловля).

Целый ряд примеров (корреляций) достаточно ярко иллюстрирует смену внешних национально языковых ориентаций (украинско-белорусских на ст.-русскую) или выправление орфографии по польскому или туземному (итальянскому) образцу. «Из Леворна» → «из Ливорна», ср. итал. Livorno. «Рымскіі» → «римскіі» (и исправлено из какой-то другой буквы, можно предполагать, что из **ы**), ср. польск. rzymski, ст.-укр. рымъскіі [ССУМ 2: 311], бел. рымскі. «П8ртогалскіі» → «портгалскіі», «портогалскіі» → «портгалскіі», ср. польск. portugalski, поддерживаемое порт. português, нем.

Portugal 'Португалия', исп. Portugal, голл. Portugal. Мена **х** на **г** («катархъ» → «катаргъ») отражает либо смену фрикативного [γ] в южновеликорусской языковой области на [г] взрывное, либо [γ] в ст.-укр. и ст.-бел.

Правка **ш** > **с** («чишла» → «числа») зафиксирована еще на уровне черновика и в чистовике не получила своего продолжения. Тем не менее она интересна тем, что отражает явление соканья-шоканья как языковой черты украинско-белорусского запада, т. е. взаимные мены глухих **с** и **ш**, **ш** и **с**, звонких **з** и **ж**, **ж** и **з**, аффрикат **с** фрикативным элементом **ц** и **ч**, **ч** и **ц** [см. об этом Котков 1991: 142; ссылка на Селищев 1931: 594].

Не совсем ясной остается причина мены **щ** → **ш** в сущ. *маршалокъ* и производных. Можно лишь предполагать, что обозначение **щ** может быть связано с сохранением исконной мягкости звука [ш] на определенном этапе развития ст.-укр. языка. По всей видимости, именно об этом может свидетельствовать одиочное, вероятно традиционное написание *маршалко* в раннем ст.-укр. примере [ССУМ 1: 578-579, 1399 г.].

Остальные примеры не нуждаются в отдельном комментарии, поскольку исправленное (чтение чистовика) совпадает с современной орфографией словоформы. Лишь один пример («принял» → «принел») свидетельствует о нетвердости правописных норм при передаче букв гласных в заударном положении.

П О Д Т И П 2.3.

черновик
пріймет

чистовик
приметь

Лингвистический комментарий. Объяснение изменения как движения от архаики (отсутствие стяжения на морфемном стыке) к новой стяженной форме, на наш взгляд, не будет синхронным для XVII в. и не будет отражать языковых окружений, в которых создавались тексты переводов «Вестей-Кураптов». Более приемлемым для нас представляется объяснение с привлечением ст.-укр. *приимати* 'пріймати' [ССУМ 2: 240], ср. ст.-укр. *пріити* 'прійти' [ССУМ 2: 253]. Нельзя также не обратить внимания на употребление буквы **і** как самостоятельной буквы в ст.-укр. алфавите, подчеркивающей предйотовую позицию. Формы с орфографией **иі** также зафиксированы в ст.-укр. [ССУМ 2: 240].

П О Д Т И П 2.4.1.

черновик
пишет
на караблехъ
чюдодѣиствию
то и настует

чистовик
пишут
на караблѣ
чюдодѣиствия
то и на свет

отсутствие союза

и

отсутствие слова

послов

Лингвистический комментарий. Без лингвистического комментария и широкого контекста эти разночтения немые, они ни о чем не говорят. Их возможно квалифицировать только на уровне текстуальном, смысловом. Поэтому их как разночтения более высокого текстового уровня можно было бы выделить как самостоятельный тип и отделить от предшествующих лингвистически значимых разночтений как разночтений на уровне словоформы. На чисто языковом уровне многие из них близки к синтаксическим разночтениям: выпадение сочинительного союза в перечне однородных подлежащих; опущение прямого дополнения при переходном глаголе.

«Пишет» → «пишут». Смена бессубъектного 3 л. ед. числа на неопределенно личное 3 мн. текстуально необходима: «грамотки есть из Ливорна, і в тѣх грамоткахъ пишут (у из е)» Необходимость исправления осознана лишь в чистовике.

«На караблехъ» → «на карабль». «На тѣх караблях по Ψ и по Φ и по У члвкъ на карабль и менши». Речь идет о численности воинских людей на каждом из кораблей.

«Чюдодѣйствию» → «чюдодѣйствия». Цитируем по черновику: «он же на бо́льшее вѣрение чюдодѣйствию своего». Чтение чистовика все же представляется более точным по смыслу, хотя в Д. падеже заложена большая глагольность (вѣрити чему-либо, кому-либо). Данное разночтение находится где-то на грани между разночтениями, улучшающими понимание текста и разночтениями, восприятие текста затрудняющими (о них ниже).

«То и настост» → «то и на свет». В черновике явная грамматическая ошибка: настост вм. настоит, гл. *настояти* 'приближаться, наступать (о времени)' изменялся по IV лескинскому классу (совр. II спр.). Замена глагола на сущ. в чистовике — «о нем же писано во Прорцехъ и издавна обещанно то и на свет к намъ приходить» — проясняет смысл.

«Отсутствие союза» → «союз и». Сравним текст черновика и чистовика. Черновик: «а папа римский и цесар корол іспанский и аглинский и португалский вмѣсте держат». Чистовик: «а папа римский и цесар и (вписано иными чернилами) корол іспанский и аглинский и португалский вмѣсте держат». В черновике явный пропуск повторяющегося сочинительного союза и при однородных подлежащих.

«Отсутствие слова» → «послов». Черновик: «Отсель посылают в Аглинскую і в Неметцкую землю». Для эдиционного восполнения текста нельзя не воспользоваться текстом чистовика (на л. 112), где следует указание на объект: послов. Приведем чистовик: «Отсель посылают в Аглинскую і в

Немецкюю семлю послов». Слово «послов» написано над строкой иными чернилами, по почерк черновика и беловика одинаков. Совершенно очевидно, что писец сам переписывал и правил свой текст.

В подтипе 2.4.1. нами рассмотрены случаи, когда в чистовике текст после правки получает более осмысленное чтение. Однако, не всегда движение бывает столь прямолинейно направлено, и такие случаи мы рассмотрим в подтипе 2.4.2.

П О Д Т И П 2.4.2.

черновик

невидомо (*так !*)

на бѣлшее

чистовик

невидомо (*так !*)

наиболшее (*так !*)

Лингвистический комментарий. Без него эти оппозиции, так же, как и в подтипе 2.4.1. абсолютно немы. Приведем контекст (по черновику): «о своем <...> царь Сабатъя Себѣ которои <...> при Л рабинѣхъ <...> **невидомо** предстал», то есть *невѣдомо* «неожиданно», где чтение **и** на месте ѣ легко объяснимо влиянием ст.-укр. [ССУМ 1: 227: *вѣдомо, ведомо, видомо*]. Чтение чистовика (*невидомо*) получает подтверждение на базе иных контекстов в «Вестях-Курантах», ср. «а сказывають что тотъ посланникъ | поѣдетъ чрезъ Гданскъ к полскому | королю *невидим* <...>» (РГАДА, ф.155, 1669 г. № 8, л. 135), т. е. «чтобы об этом никто не знал, втайне», что подкрепляется и общим контекстом газетного сообщения, в котором говорится о том, что все действия мессии Савватая Цеви совершаются втайне.

«На бѣлшее» → «наиболшее». Черновик предоставляет в наше распоряжение более ясное чтение: «он же на бѣлшее вѣрzenie [т. е. 'для вящего доказательства, подтверждения'. — В. Д.] чудодѣйствию своего всяг его са рѣку здравом [вм. здравым.— В. Д.] сотворил». В чистовике пропуск предлога **в** и добавление **и** как части суперлативной приставки явно ухудшает прочтение текста: «он же **наиболшее** (*так в ркп., вм. в* *наиболшее?*) вѣрzenie чюдодѣйствию своего всяг его са рѣку здрава сотворил» и заставляет прибегнуть к инъекции предлога **в**: «(в) *наиболшее*».

Проведенное сопоставление черновики и беловики «Вестей-Курантов» 1666 г. позволяет, на наш взгляд, отработать некоторые моменты методики сопоставления и дать не только описание, фиксацию расхождений, но в виде предварительной пробы объяснение причин этих расхождений: графически значимых, лингвистически значимых, текстуально значимых и относящихся к области истории собственно русского языка или свидетельствующих о проявлении контактов с другими языками.

Разумеется при этом, что каждый текст черновой и белой как самостоятельное целое может быть предметом специального исследования вне компаративных целей. Но это предмет особого разговора.

Список источников и литературы

- Весселовский 1975 — *Весселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.
- В-К I — Вести-Куранты. 1600—1639 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.
- В-К II — Вести-Куранты. 1642—1644 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.
- В-К III — Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подг. В. Г. Демьянов, Н. И. Тарабасова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1980.
- В-К IV — Вести-Куранты. 1648—1650 гг. / Изд. подг. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1983.
- В-К V — Вести-Куранты. 1651—1652 гг., 1654—1656 гг., 1658—1660 гг. / Изд. подг. В. Г. Демьянов. Отв. ред. В. П. Вомперский. М., 1996.
- Даль 1-4 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955 — 1956. Т. 1-4.
- Демьянов 1992 — *Демьянов В. Г.* О некоторых реминисценциях старобелорусской орфографии в памятниках русской деловой письменности XVII века // Проблемы изучения и преподавания русского языка в вузах и школах республики. Тезисы докладов на научно-методической конференции (20 — 22 мая 1992 г.). Минск., 1992.
- Зализняк 1998 — *Зализняк А. А.* Проблемы изучения берестяных грамот // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998.
- Иорданский 1960 — *Иорданский А. М.* История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960.
- Котков 1974 — *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.
- Котков 1991 — *Котков С. И.* Старинная русская деловая письменность в ее отношении к литературному языку // Источники по истории русского языка XI—XVII вв. М., 1991.
- Потебня 1888 — *Потебня А. А.* Значения множественного числа в русском языке // Филологические записки. Воронеж, 1888. Вып. 1.; Отд. отд. Воронеж, 1888.
- Селищев 1931 — *Селищев А. М.* Соканье и шоканье в славянских языках // *Slavia*, 1931. Roč. 10. Seš. 4; перепечатано в кн.: *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968.
- СЛРЯ 1-24 — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1998. Вып. 1-24.
- Срезн. I-III — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. [М., 1958.] Т. I-III [фотомеханическое воспроизведение изд. СПб., 1893—1903].
- СРНГ 1-32 — Словарь русских народных говоров. Л., СПб., 1965 — 1998. Вып. 1-32.

- ССУМ 1-2 — Словник старобукаїнської мови XIV—XV ст. Київ, 1977—1978. Т. 1-2.
- Тарабасова 1986 — *Тарабасова Н. И.* Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. М., 1986.
- Трубачев 1998 — *Трубачев О. Н.* Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.
- Ушаков 1982 — *Ушаков В. Е.* Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века. М., 1982.
- Frey 1962 — *Frey H.-J.* Per la posizione lessicale dei dialetti veneti. Venezia; Roma, 1962.
- Migliorini 1960 — *Migliorini B.* Storia della lingua italiana. Firenze., 1960.